

ДЖЕЙМС МАКГОВЕРН

МАРТИН БОРМАН.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

РЕЙХСЛЕЙТЕР.

1936-1945

Джеймс Макговерн

**Мартин Борман. Неизвестный
рейхслейтер. 1936-1945**

«Центрполиграф»

Макговерн Д.

Мартин Борман. Неизвестный рейхслейтер. 1936-1945 /
Д. Макговерн — «Центрполиграф»,

Джеймс Макговерн – бывший американский спецгент, имеющий отношение к работе ЦРУ, – впервые приводит документально подтвержденную биографию Мартина Бормана. Международный военный трибунал в Нюрнберге вынес приговор заочно, объявив Бормана пропавшим без вести. Его исчезновение назовут «самой большой нераскрытой тайной нацизма». Будучи правой рукой Гитлера, этот теневой нацистский лидер фактически руководил страной. Как случилось, что рядовой партийный функционер в рекордно короткие сроки добился таких карьерных высот? Верный последователь фюрера, он хотел сохранить себе жизнь, чтобы продолжить дело своего вождя. Кому были выгодны легенды, которыми обрастала биография Мартина Бормана, и что случилось с ним на самом деле?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джеймс Макговерн Мартин Борман. Неизвестный рейхслейтер. 1936–1945

Самое сильное влияние на фюрера во время войны, и в частности примерно с 1942 года, когда прошел год после перелета Гесса (в Англию. – Ред.) в 1941 году, оказывал Борман. Последний обладал, в конечном счете, катастрофическим влиянием. Это стало возможным только потому, что фюрер после 20 июля (1944 года, после покушения. – Ред.) стал особенно подозрительным, а также потому, что Борман постоянно находился рядом с ним и докладывал ему по всем вопросам.

Из показаний Германа Геринга на Нюрнбергском трибунале над главными военными преступниками

Борман остается в подвешенном состоянии, ни жив ни мертв: возможно, он стал нереальным еще больше, чем прежде.

Британский историк Х.Р. Тревор-Ропер в предисловии к своей книге «Последние дни Гитлера», изданной в США в 1962 году

*Никогда не вешай человека, которого не держишь в руках.
Старая пословица жителей Нюрнберга.*

Глава 1

«Самая большая нераскрытая тайна нацистов»

Ночь на 15 октября 1946 года была холодной и промозглой. Пронизывающий ветер дул сквозь разрушенные стены и башни старинного города Нюрнберга. Большинство граждан, волновали скорее поиски пищи и убежища от холода, чем казнь главных нацистских военных преступников, которая должна была состояться в Нюрнбергской тюрьме.

Осужденные нацисты, содержащиеся в условиях строжайшей охраны в теплой тюрьме, ели свой последний ужин, состоявший из сосисок, мясного ассорти, картофельного салата, черного хлеба и чая. Незадолго до часу ночи два представителя американской военной полиции в белых шлемах вызвали первого арестанта, подлежащего казни. Им был министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп, за которым через короткие интервалы должны были последовать остальные обитатели камеры.

Фон Риббентроп не оказывал сопротивления военным полицейским, которые провели его по коридору и через пустынный внутренний двор в небольшой тюремный спортзал. Сопротивление было бы бессмысленным, а казни были тщательно спланированы так, что все они должны были следовать одинаково короткой, регулярной, фатальной процедуре.

Двигаясь с полужакрытыми глазами, словно в трансе, фон Риббентроп вошел в ярко освещенный спортзал в 1.11 ночи. С него быстро сняли наручники, связали шнурками руки за спиной. В сопровождении двух представителей военной полиции с обеих сторон он поднялся по лестнице из тринадцати ступенек к одной из трех черных виселиц, которые соорудили на платформах высотой 8 футов на расстоянии 8 футов друг от друга.

Протестантский священник произнес молитву рядом с фон Риббентропом, пока тот стоял на крышке люка, где на шею бывшего министра иностранных дел набрасывал петлю официальный вешатель армии США, старший сержант Джон К. Вудс из города Сан-Антонио

в штате Техас. Американский врач с ручным фонариком и его советский коллега со стетоскопом ждали у подножия виселицы, пока фон Риббентроп делал свое последнее заявление: «Да защитит Господь Германию. Моя последняя воля состоит в том, чтобы было сохранено единство Германии и чтобы было достигнуто взаимопонимание между Востоком и Западом».

Сержант Вудс затянул петлю, затем ремень на ногах осужденного. Присутствовали пятнадцать официальных свидетелей: по одному генералу от каждой союзной стороны, офицер тюремной охраны США, восемь специально отобранных зарубежных корреспондентов и два немца. Все стояли по стойке «смирно» и сняли головные уборы.

Один из двух помощников сержанта Вудса натянул на голову фон Риббентропа с редкими седыми волосами черный балахон, скрывший лицо министра. Затем другой помощник потянул за тонкий деревянный рычаг. Люк открылся. Фон Риббентроп провалился в люк, его зачехленное лицо скрыли черные занавески вокруг пространства под платформой.

Когда бывший министр иностранных дел еще качался на туго натянутой веревке первой виселицы, в спортзал вошел фельдмаршал Вильгельм Кейтель, бывший начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ). Кейтель был одет в отутюженный мундир без наград и знаков различия. Его сапоги сверкали, когда он быстро поднялся по тринадцати ступенькам на вторую виселицу. Кейтель обращался в Контрольный совет союзников с просьбой «быть преданным смерти посредством расстрела», поскольку считал, что это было «право солдата любой армии мира, которому выносятся смертный приговор как солдату» Апелляция была отвергнута, и под ним открылся люк.

За Кейтелем по очереди в спортзал входили Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Джулиус Штрайхер, Фриц Заукель, Альфред Йодль и Артур Зейс-Инкварт. Каждому предназначалась новая веревка. Ни один из них не имел малейшего шанса избежать уготованного ему конца. «Десять человек за 103 минуты, – позднее заметил сержант Вудс. – Быстрая работа», – сказал он, добавив, что «потом потребовались крепкие напитки».

Десять из двенадцати главных военных преступников, осужденных на смерть Международным военным трибуналом 1 октября 1946 года, были казнены после 217 дней суда. Но двоим из этих двенадцати удалось избежать виселицы. Одним был Герман Геринг. Подобно Адольфу Гитлеру, Генриху Гиммлеру и Йозефу Геббельсу, Геринг избрал собственный способ уйти из мира, который он и другие нацистские лидеры подвергли столь чудовищному насилию.

Каким-то способом в камеру Геринга пронесли тайком пузырек с цианистым калием. Рейхсмаршал принял смертоносное содержимое пузырька за два часа до выхода к виселице. Его труп был вынесен на носилках в спортзал. Там его сфотографировали в одетом и раздетом состоянии, так же как и трупы десяти повешенных. Это потребовалось как доказательство того, что все эти люди действительно мертвы.

Такая определенность отсутствовала в отношении другого осужденного нациста, который избежал процедуры последнего восхождения по тринадцати ступенькам к петле, черного балахона и открытия люка. Им был рейхслейтер Мартин Борман, глава канцелярии нацистской партии и секретарь фюрера.

Борман не был повешен лишь по одной-единственной причине. Его не было среди тех, кто подлежал повешению. В отличие от Геринга он отсутствовал в тюремной камере. Отсутствовал он и на скамье подсудимых трибунала в Нюрнберге. Борман был единственным обвиняемым, которого судили и которому вынесли приговор в отсутствие подсудимого. Если такое отсутствие оставалось как главной нераскрытой тайной, так и источником замешательства британских и американских (а также советских. – *Ред.*) спецслужб, которые безуспешно разыскивали его в конце войны, то это вполне согласовывалось с личностью этого деятеля.

Борман всегда был нацистским лидером, личность которого была скрыта завесой тайны. Он работал в тени, пренебрегал публичным признанием и наградами. Но обладал колоссальной

властью. Насколько реальной была эта власть, можно судить на основе мнений, выраженных другими нацистскими лидерами. Эти люди, которых боялись и которых ненавидели миллионы их жертв, боялись и ненавидели, в свою очередь, деятеля, фактически не известного никому, кроме них самих.

По мнению одного из обвиняемых в Нюрнберге, Ганса Франка, нацистского генерал-губернатора Польши (точнее, «огрызка» Польши, так называемого генерал-губернаторства. В 1941 году, после вторжения немцев в СССР, в состав генерал-губернаторства включили Галицию с Львовом (с 1939 года были в составе СССР). – *Ред.*), Борман был «архинегодяем». Ненависть слишком мягкое слово, чтобы выразить чувства Франка в отношении нациста номер два. Другой обвиняемый, Ганс Фриче, одно время высокопоставленный деятель министерства пропаганды доктора Йозефа Геббельса, заявил на суде: «Во-вторых, – и это то, что я не могу не сообщить под присягой, – доктор Геббельс совершенно определенно опасался Мартина Бормана».

Согласно мнению Лутца Шверина фон Крозига, последнего министра финансов, Борман был «злым гением» Гитлера и «коричневым преосвященством» у трона фюрера. С точки зрения генерал-полковника Хайнца Гудериана, одно время начальника Генштаба сухопутных сил, «вслед за Гиммлером наиболее зловещим представителем окружения Гитлера был Мартин Борман». И тем не менее Борман одолел и унизил рейхсфюрера СС, когда они оба сцепились в личной борьбе за власть.

Союзникам казалось, что второй наиболее могущественной фигурой в нацистской Германии был Герман Геринг. Но в последние два года войны это место занял Борман, который поэтому с презрением и жестокосердием третировал рейхсмаршала. Чувства Геринга в отношении Бормана были выражены во время допроса рейхсмаршала перед Нюрнбергским трибуналом, проводившимся полковником армии США Джоном Аменом.

Амен. Считаете ли вы, что фюрер мертв?

Геринг. Вполне. В этом нет сомнений.

Амен. А Борман?

Геринг воздел вверх руки и ответил: «Если у меня есть что сказать по этому поводу, то это выразить надежду, что он горит в аду. Но я ничего не знаю о нем».

Альберт Шпеер, нацистский министр вооружений и военного производства, понимал реальную силу Бормана и ее источник. «Несколько критических замечаний Гитлера, – говорил Шпеер, – и все вцепились бы Борману в горло».

Фюрер никогда не произносил таких критических слов. До самой смерти Гитлера Борман оставался на его стороне. Во время причудливого времяпрепровождения в бункере, под старой рейхсканцелярией в Берлине, Борман был свидетелем фюрера на церемонии его бракосочетания с Евой Браун. Он также оглашал последнюю волю и политическое завещание фюрера. Последняя воля, в частности, гласила: «Своим душеприказчиком я назначаю моего наиболее преданного товарища по партии Мартина Бормана».

Душеприказчик был первым лицом, которое вошло в комнату, где Гитлер покончил жизнь самоубийством. Борман был также в числе шести персон, которые участвовали в сожжении трупов Гитлера и его жены на погребальном костре. Однако Борман не последовал примеру Гитлера в сведении счетов с жизнью.

Когда Гитлера сожгли в саду рейхсканцелярии в обстановке приближения к ней Красной армии, Борман покинул это место. По свидетельствам тех, кто присоединился к нему на начальной стадии бегства, Борман хотел добраться до гроссадмирала Карла Дёница, которого Гитлер назначил новым главой государства.

Если Борман действительно намеревался прибыть в штаб-квартиру Дёница на северо-западе Германии, он не достиг этой цели. Это можно утверждать с уверенностью. Ночью 1 мая этот человек, живший в тени, также и исчез в тени в возрасте 45 лет. Это была беспрецедентная ситуация. Как могла исчезнуть без следа вторая по могуществу фигура режима, чья власть одно время простиралась от Атлантики до Волги?

Британские и американские службы военной разведки провели расследование в период, наступивший сразу за войной, в попытках ответить на этот вопрос, но им не удалось установить местонахождение Бормана или добыть сколько-нибудь убедительное свидетельство его смерти. Аналогичные расследования советских властей тоже не дали результата. И вот, принимая во внимание то, что Борман, очевидно, пропал без вести, поскольку смерть его не была установлена, Международный военный трибунал вынес приговор в отсутствие Бормана. Смертный приговор еще оставался в силе спустя 22 года после того, как трупы одиннадцати других главных военных преступников были сфотографированы в спортзале Нюрнбергской тюрьмы.

Сегодня есть люди, которые полагают, что приговор нельзя исполнить, поскольку ночью 1 мая 1945 года Борман был убит, а его тело захоронили в какой-нибудь безвестной массовой могиле. Большинство из этих скептиков бывшие нацисты, которые находились вместе с главой нацистской партийной канцелярии, когда он пытался бежать из Берлина. Другие же люди, к мнениям которых следует отнестись серьезно, считают, что второму по могуществу нацисту удалось укрыться за рубежом и что это воплощение зла и ужасного прошлого живо и сегодня.

13 апреля 1961 года доктор Фриц Бауэр, генеральный прокурор земли Гессен в ФРГ, выразил убеждение во Франкфурте-на-Майне, что Борман еще жив. Доктор Бауэр сказал, что секретная международная организация могла переправить Бормана за границу по тщательно организованному подпольному каналу. Генпрокурор, получивший известность в связи с преследованиями нацистских военных преступников, завел уголовное дело на Бормана.

Правительство ФРГ настолько серьезно восприняло многочисленные сообщения о сохранении Борманом своей жизни, что назначило в ноябре 1964 года награду в 100 тысяч марок (25 тысяч долларов) за информацию, способствующую его аресту.

В октябре 1965 года Тадек Тувия Фридман, директор Института по документации нацистских военных преступлений в Хайфе, Израиль, сообщил корреспонденту нью-йоркской газеты, что ему известно место в Аргентине, где проживал Борман.

В январе 1966 года Клаус Эйхман, сын Адольфа Эйхмана, написал открытое письмо Борману, опубликованное в ведущем журнале ФРГ, с просьбой к секретарю фюрера выйти из своего южноамериканского убежища и взять на себя ответственность за преступления, «за которые мой отец отвечает вместо вас перед судом Израиля».

Доктор Фриц Бауэр заявил в апреле 1966 года, что пространство поисков Бормана сужается, и выразил надежду, что «мы преследуем его по горячим следам».

27 марта 1967 года Симон Визенталь провел пресс-конференцию в офисе Антидиффамационной лиги Бнай-Брит в Нью-Йорке. Он совершал тогда свой первый визит в Соединенные Штаты в связи с публикацией его книги «Убийцы среди нас», в которой рассказывалось о его деятельности с 1945 года по розыску нацистских военных преступников. Глава частного Центра еврейской документации в Вене сообщил на пресс-конференции, что «Борман свободно путешествует по Чили, Парагваю и Бразилии. У него мощная организация, призванная помочь другим нацистским военным преступникам избежать преследования властей». Визенталь добавил, что Борман пользовался пятью или шестью псевдонимами и «у него много друзей, денег. Я получаю сведения о нем сразу из двух мест, расположенных слишком далеко друг от друга, чтобы допустить, что действует лишь один человек».

4 июля 1967 года министерство юстиции ФРГ возобновило свой запрос к федеральному Верховному суду Бразилии по поводу превентивного ареста и выдачи секретаря фюрера и главы секретариата нацистской партии. А 31 декабря 1967 года лондонская «Санди таймс»

в статье на первой полосе своего корреспондента в Центральной Европе Энтони Терри сообщила, что Борман живет на юге Бразилии в небольшом нацистском поселении, расположенном у границы с Парагваем. Информантом Терри был Эрих Карл Видвальд, бывший ефрейтор СС, который заявил, что Борман уходил от преследования по маршруту, организованному ветеранами СС, и прибыл в Аргентину в 1947 году. Однако, согласно Видвальду, Бормана в настоящее время невозможно узнать из-за неудачно сделанной пластической операции. Более того, он находился при смерти из-за рака желудка. Тем не менее судьба Бормана или его место проживания оставались тем, что Визенталь определял как «самую большую нераскрытую тайну нацизма» в течение более чем двух десятилетий после гибели Третьего рейха.

Но была и еще одна загадка, связанная с Мартином Борманом. Кем он был в действительности? Как он поднялся от безвестного партийного функционера до положения во власти, когда, оставаясь в основном в тени, он, по словам Германа Геринга, «определял все существование Гитлера»? Это возвышение поставило в тупик даже тех немногих, которые хорошо знали Бормана в течение двенадцати апокалипсических лет нацистского режима. Одним из них был Альфред Розенберг, философ нацистского движения.

Как глава министерства по восточным территориям, которое осуществляло власть на обширных пространствах России, оккупированных нацистами, Розенберг часто становился жертвой интриг Бормана. Перед восхождением по тринадцати ступеням к виселице в Нюрнберге Розенберг писал в своих мемуарах: «Никакая, даже буйная фантазия не могла предсказать карьеру Мартина Бормана».

Эта карьера, так же как карьера Гитлера, началась в Европе, которая, пережив Первую мировую войну, внешне казалась стабильной и неизменной, но которую нацисты в конце концов взорвали. (Автор упрощает ситуацию. Европа, и особенно Германия, разоряемая репарациями и униженная Версальским мирным договором 1919 года, стабильной не была. Нищета, безработица, унижение нации, жажда реванша во всех социальных слоях – вот что привело к власти Гитлера и его людей, в основном фронтовиков. – *Ред.*)

Глава 2

Осужденный

Мартин Борман родился 17 июня 1900 года в Хальбер–штадте, старинном и живописном нижнесаксонском городе с населением около 40 тысяч жителей. В хронике его семьи или в его юности не было ничего такого, что характеризовало бы Бормана как военного преступника, кроме соучастия в жестоком убийстве.

Теодор Борман, отец Мартина, был трубачом военного оркестра. Демобилизовавшись из армии, Теодор Борман, чей собственный отец владел каменоломней, стал почтовым служащим в Хальберштадте. Однако он умер, когда его сыну Мартину было всего четыре года, а его вдова быстро снова вышла замуж за директора небольшого банка.

В образовании Мартин Борман не поднялся выше изучения сельского хозяйства в заведении, соответствующем американскому коммерческому училищу. Но оно было прервано службой в 55-м полку полевой артиллерии с июня 1918 по февраль 1919 года. Однако в отличие от Гитлера, который заслужил Железный крест, и Геринга, получившего орден «За заслуги» (а также Железный крест и другие награды. – *Ред.*), военная служба Бормана прошла без наград. Он не участвовал в боевых действиях.

В августе 1920 года двадцатилетний бывший артиллерист и ученик сельскохозяйственного училища стал управляющим крупной фермой или поместьем. Оно принадлежало семейству фон Троекфельс и располагалось недалеко от деревни Пархим в северной земле Мекленбург. Южнее, в Мюнхене, обскурантистская политическая партия приняла примерно в это же время название Национал-социалистической немецкой рабочей партии со свастикой в качестве своего символа.

Вероятно, Борман не знал о деятельности новой нацистской партии или ее седьмого по счету члена Адольфа Гитлера. Однако молодой управляющий поместьем обнаружил свое недовольство условиями послевоенной Германии, вступив в Объединение против засилья евреев и организацию Россбаха.

Первоначально общество *Freikorps Rossbach*, руководимое бывшим участником Первой мировой войны лейтенантом Герхардом Россбахом, было одним из многих объединений ветеранов войны, представителей полувоенных организаций добровольцев (*freikorps*), образовавшихся под патронажем рейхсвера. По Версальскому договору регулярная германская армия была сокращена до 100 тысяч человек (100 тысяч в сухопутных войсках, 15 тысяч на флоте. – *Ред.*). Но допускалось использование полувоенных организаций, иногда именовавшихся «черным рейхсвером», для поддержания порядка в стране и защиты ее восточных границ от поляков и большевиков (с поляками, с большевистской Россией Германия не граничила. Только в 1920 году в Восточной Пруссии пришлось интернировать отступившие сюда (чтобы избежать польского плена) некоторые части и соединения разбитых под Варшавой войск Тухачевского. – *Ред.*). В таком качестве полувоенные организации участвовали в серьезных военных действиях. Вскоре поняв, однако, что кочующие отряды недовольных бездомных ветеранов могли повернуть оружие против только что родившейся республики, правительство запретило многие из них.

Россбах отказался распустить свою организацию. Он просто изменил ее название на Рабочее общество Россбаха. Когда запретили и эту организацию, ее название вновь было изменено на Союз сельскохозяйственного профессионального обучения. Члены Союза придерживались одинаковых взглядов: антисемитизм, недовольство условиями Версальского мирного договора 1919 года и необходимость их отмены, свержение республики, восстановление Германии в качестве великой европейской державы.

Таков был характер организации, в которой Борман чувствовал себя как дома. Он присоединился к группировке Россбаха в 1922 году, слишком поздно, чтобы участвовать в боевых действиях в период, наступивший непосредственно после войны. Но он стал лидером отделения и его казначеем в Мекленбурге, когда 9 января 1923 года Комиссия союзников по репарациям заявила, что Германия не выполняет свои обязательства в соответствии с условиями мирного договора по поставкам строительного леса и угля. Через два дня французские и бельгийские войска оккупировали Рурскую область.

Оккупация промышленного сердца Германии поставила страну на грань политического и экономического распада и ускорила крах марки. К ноябрю 1 доллар стоил 130 миллионов марок. Оккупация послужила также стимулом для экстремистских группировок, которые вырастают только на почве отсутствия безопасности и элементарного порядка. Власти призывали к проведению кампании пассивного сопротивления, в то время как экстремисты подстрекали к забастовкам, партизанской войне и саботажу.

Французские оккупационные власти ответили на это экономической блокадой, депортациями, арестами промышленных магнатов и профсоюзных лидеров, расстрелами саботажников. 23 мая 1923 года французами был казнен за саботаж и промышленный шпионаж Альберт Лео Шлагетер, молодой экс-лейтенант кайзеровской армии, который после Первой мировой войны воевал в рядах фрайкоров в Верхней Силезии и Прибалтийских государствах. С точки зрения французов, его вина была неоспорима, а его казнь – оправданна. Но для немецких националистических группировок он погиб мученической смертью за фатерланд, и на волне таких настроений Мартин Борман вскоре принял участие в одном убийстве.

В феврале 1923 года в организацию Россбаха вступил двадцатитрехлетний учитель начальной школы Вальтер Кадов. Он быстро вызвал к себе неприязнь. Кадов занимал деньги у товарищей и не возвращал их, а также делал вид, что заслужил много боевых наград. Возможно, самой большой его оплошностью стало то, что он позаимствовал 30 тысяч марок (около 5 долларов) из кассы организации Россбаха.

Казначеем был Мартин Борман. Ему исполнилось в это время 23 года. Кареглазый, темно-русый, около 180 сантиметров роста, он обладал мощным сложением и короткой сильной шеей, из-за которой получил прозвище Буйвол.

Борман был недостаточно образован по немецким стандартам, но у него была необыкновенная память на цифры, подробности дел и одержимость в работе. Он оставался холостяком и терял веру в учение Лютера, а также в социальный порядок, при котором родился в начале века. В этом отношении Борман мало отличался от тысяч других разочарованных немцев послевоенного периода. Но не многие из них приблизились к тем высотам, которых достиг Борман, вероятно, потому, что не многие из них обладали его талантом теневого манипулирования и насильственных действий. Первой известной жертвой этого таланта и стал Вальтер Кадов, который находился в Руре, когда арестовали и казнили Шлагетера.

Борман приказал задержать Кадова, если он приедет в Пархим в Мекленбурге. Заявленной им целью было заставить Кадова отработать долги. Но, кроме того, Борман распространил слух о том, что Кадов был коммунистическим шпионом и, вероятно, донес на Шлагетера.

Кадов, действительно, вернулся в Пархим. Ночью 31 мая 1923 года он принял участие в продолжительной попойке с некоторыми членами группировки Россбаха в таверне местной гостиницы. Ближе к полуночи опьяневшего Вальтера Кадова вытащили из таверны. Его поспешно затолкали в машину и отвезли в лес на краю деревни. Здесь его избивали до бесчувствия дубинками. Ему выбили зубы и раздробили череп. Затем перерезали горло.

В заключение в голову Кадова всадили две пули, а его труп погребли в лесу. Убийцы разбежались, полные веры в то, что мученик Шлагетер отомщен, другим потенциальным предателям преподнесен предметный урок.

В послевоенной Германии политические убийства являлись обычной практикой. Они следовали германской традиции *Vehmgericht*, средневековых судов, которые заседали и выносили приговоры тайно. Но Веймарская республика была еще достаточно стабильной, чтобы осуществить правосудие по отношению к исполнителям подобных преступлений. Так произошло и в случае с убийством Вальтера Кадова после того, как член группировки Россбаха по имени Бернхард Юриш сознался в причастности к этому преступлению. Юриш опасался, что он тоже намечен в качестве очередной жертвы.

Мартина Бормана арестовали в июле 1923 года и держали под превентивным арестом в Лейпциге до декабря этого года. 12 марта 1924 года он и другие члены группировки Россбаха предстали в качестве обвиняемых на процессе Государственного суда по защите республики в Лейпциге. Ни во время процесса, длившегося три дня, ни впоследствии не было добыто сколько-нибудь убедительных свидетельств того, что Кадов был коммунистическим шпионом или имел какое-либо отношение к доносу на Шлагетера.

Подсудимых признали виновными в преступлении и осудили на различные сроки заключения. Самый продолжительный срок – десять лет каторжных работ – достался небезызвестному Рудольфу Францу Гессу, как вероятному главарю заговорщиков. Так в истории впервые появилось имя Гесса, двадцатидвухлетнего сына лавочника. Одно время он, по настоянию своих набожных родителей, подумывал об учебе на католического священника. Однако во время войны он служил пулеметчиком, а затем участвовал в составе добровольческих отрядов Россбаха в боевых операциях в Прибалтике. Гесса выпустили через четыре года отбывания тюремного срока по всеобщей амнистии для лиц, совершивших политические преступления. Позднее же он вновь появится в качестве коменданта Освенцима, крупнейшего нацистского концентрационного лагеря.

Мартина Бормана приговорили к одному году тюрьмы за участие в убийстве Кадова. Из-за отказа обвиняемых сотрудничать с судом и недостатка свидетелей роль Бормана в деле выглядела неясной, что позднее стало для него типично. Оказалось, что он подстрекал убийц, снабдил их машиной, помогал им укрыться, но прямого участия в убийстве не принимал.

Борман и другие обвиняемые открыто возмущались на суде во время оглашения приговора. Когда их поместили в автофургон для заключенных, чтобы вывезти со двора тюрьмы, один из обвиняемых запел, а Борман с товарищами энергично подхватили куплет:

Когда тебя пронзают мечом, продолжай
сражаться, тем не менее.
По жертвой жизнью, но не знаменем.
Его понесут другие, когда тебя похоронят
И завоюют славу, которая будет реять над тобой.

Борман отбыл полный срок заключения в условиях жесткой дисциплины, которая практиковалась в то время в прусских тюрьмах. По освобождении из заключения в марте 1925 года он вернулся к работе управляющего помещьем в Пархиме. Теперь он занимал несколько более высокое положение по сравнению с наемным смотрителем за крестьянами, берущими в аренду собственность, которая принадлежала аристократическому классу. Борман не принадлежал к этому классу, которому он завидовал и который одновременно ненавидел. Но работа есть работа, и бывший осужденный являлся одним из тех счастливых, которые имели работу в стране с миллионами безработных.

Тюремный срок Бормана несколько не повлиял на его экстремистские националистические взгляды, поскольку он вскоре вступил в организацию *Frontbann*. Эта организация являлась наследницей *Deutscher Kampfbund* (Немецкий боевой союз), состоявшего из вооруженных

отрядов бывших солдат. Союз был распущен властями Веймарской республики после того, как поддержал в 1923 году неудавшийся путч Адольфа Гитлера в Мюнхене.

Сам Гитлер отбывал срок заключения в тюрьме после неудавшегося путча. (По приговору суда, состоявшегося в феврале – марте 1924 года, Гитлера приговорили к 5 годам заключения. Но отсидел он (с учетом предварительного заключения) всего 13 с небольшим месяцев. – *Ред.*) Выйдя 20 декабря 1924 года из тюрьмы, он обнаружил нацистскую партию в агонии. Это была расколота организация, которую власти объявили незаконной. Запрет сняли в 1925 году, и в том же году Гитлер воссоздал свою партию. Но не многие люди верили, что этот несколько комичный, мелкий баварский политик когда-нибудь будет играть ведущую роль в Германии и лишь немного меньшую в международных делах. Поскольку инфляция, безработица и общее недовольство, которые использовали нацисты для привлечения массовой поддержки, пошли на убыль благодаря корректировке внутренней политики, в Германии началось заметное экономическое оживление.

В 1925 году для Адольфа Гитлера, казалось, не было перспективы. Это еще более справедливо в отношении человека, с которым Гитлеру еще предстояло встретиться. Мартин Борман не был в этом году даже членом нацистской партии. Он являлся безвестным управляющим поместьем и, более того, бывшим заключенным. Его перспективы выглядели туманными.

Но обстановка изменится, наступит ночь барабанов и факелов, и этой ночью взойдет звезда Бормана, по иронии и именно потому, что его посадили в тюрьму за причастность к жестокому убийству.

Глава 3

Незнакомый рейхслейтер

Незадолго до наступления темноты в ночь на 30 января 1933 года в глубине парка Тиргартен в центре Берлина забили барабаны. Десятки тысяч нацистских штурмовиков собрались в этом месте с горящими факелами. Затем они образовали стройные колонны и темной зимней ночью пошли маршем из Тиргартена через Бранденбургские ворота, далее по Унтер-ден-Линден, держа горящие факелы.

Штурмовики повернули направо на Вильгельмштрассе и промаршировали по этому широкому проспекту. Их сапоги отбивали на мостовой «устойчивую, уверенную поступь», выражаясь словами песни о Хорсте Весселе, которая являлась нацистским гимном и которую они пели. Под грохот барабанов и рев военной музыки многочисленных отрядов внушительное факельное шествие текло, подобно огненной реке, мимо ликующих толп, молчаливых иностранных посольств и президентского дворца. Из окна дворца дряхлый восьмидесятишестилетний фельдмаршал Пауль фон Гинденбург следил за тем, как участники марша продолжили движение мимо рейхсканцелярии. Стоя у одного из открытых окон, Адольф Гитлер, улыбаясь, смеясь, со слезами радости приветствовал марширующих нацистским приветствием.

После полудня того же дня Гитлер был назначен президентом республики фон Гинденбургом канцлером Германского рейха. «Четырнадцать лет трудной работы были увенчаны победой», – писал позднее Йозеф Геббельс. По микрофону, установленному в рейхсканцелярии, Герман обратился с громовой речью к штурмовикам и собравшимся толпам людей:

– 30 января 1933 года будет запечатлено в истории Германии как день, когда возродилась слава страны, как день, когда нация поднялась и отбросила все страдания, боль и позор минувших четырнадцати лет... Вот стоят фельдмаршал мировой войны и рядом с ним молодой фюрер Германии, который намерен вести народ и рейх в новую и лучшую эпоху...

Свидетельства того, где стоял Борман, отсутствуют. Он был не настолько влиятелен, чтобы его присутствие было замечено в этот длинный роковой день, который явился побочным продуктом мировой экономической депрессии. Нацисты использовали острый кризис, поразивший Германию, для восстановления своей падающей популярности и становления в качестве единственной политической силы в стране.

В течение года пребывания у власти в качестве законно назначенного канцлера Гитлер сокрушил всю сколько-нибудь действенную оппозицию, завершил возведение нацизма в ранг государственной политики и стал диктатором. Мартин Борман же оказался среди тех, кто всплыл из безвестности на волне гитлеровского триумфа. Однако Борман не играл существенной роли в политическом маневрировании, позволившем Гитлеру стать рейхсканцлером.

Ведь Борман примкнул к нацистскому движению на поздней стадии. Он вступил в партию только 17 февраля 1927 года под номером 60 508. Но и с этого времени его карьера была скорее постепенной, чем быстрой, в отличие от людей, бывших рядом с фюрером в дни мюнхенского пивного путча 1923 года.

В 1927 году Борман служил пресс-секретарем партийного округа (гау) Тюрингия. 1 апреля 1928 года он стал районным руководителем в Тюрингии и начальником хозяйственного отдела округа. 15 ноября 1928 года его включили в штат Верховного командования штурмовых отрядов (Sturmabteilung) или СА (S. A.). Кадровый состав этих отрядов обычно называют штурмовиками или коричневорубашечниками. Они часто устраивали уличные схватки с теми, кто находился в оппозиции к нацистам.

25 апреля 1930 года Борман оставил штурмовиков, чтобы занять пост управляющего Кассой взаимопомощи нацистской партии (Leiter der Hilfskasse). Касса предназначалась для

оказания финансовой помощи семьям людей, которые погибли или получили ранения в борьбе за нацистское дело. Она превратилась в важное учреждение в период обострения экономической депрессии. Когда Борман управлял Кассой взаимопомощи, его должниками стали сотни будущих нацистских функционеров.

Через шесть месяцев после прихода Гитлера к власти Борман получил награду за верную службу. В июле 1933 года его назначили рейхслейтером (рейхслейтеры (национальные лидеры) нацистской партии занимали в ней высшие посты. Назначал их Гитлер, и они подчинялись ему непосредственно. Однако их функции носили сугубо партийный характер, в отличие от военных, международных функций или функций СС. – Ред.) и руководителем аппарата Рудольфа Гесса, заместителя фюрера. Возвышению Бормана от заурядного члена партии до рейхслейтера во многом способствовало его участие в убийстве Кадова. В глазах нацистских лидеров любой молодой человек, который отсидел срок в политических тюрьмах Веймарской республики, заслуживал доверия, восхищения и наград. С этой целью была отчеканена почетный нацистский знак ордена крови (Blutorden). Борман получил его по заслугам.

Женитьба Бормана также выделила его среди других заслуженных, но малоизвестных нацистов. 2 сентября 1929 года он женился на Герде Бух. Ей было тогда 20 лет, она была на 9 лет моложе супруга. Герда Борман выглядела крепкой, но довольно заурядной блондинкой (которая родит Борману десять детей. – Ред.). Она живо интересовалась немецким фольклором и души не чаяла в Адольфе Гитлере. Ее отец Вальтер Бух, бывший майор во время Первой мировой войны, занимал пост председателя нацистского партийного суда, ответственного за поддержание партийной дисциплины.

В нацистских кругах Вальтер Бух был влиятельной и могущественной фигурой. Гитлер был на свадьбе Герды Бух свидетелем и таким образом лично познакомился с женихом. Первый ребенок у четы Борман родился 14 апреля 1930 года. Отец недолго подыскивал имя новорожденному мальчику. Его окрестили Адольфом, в честь крестного отца – Гитлера.

Когда нацисты пришли к власти, Борман проявил себя как неутомимый и преданный работник для партии и ее фюрера. С точки зрения Бормана, иначе и быть не могло.

Его жизнь была типична для людей его поколения, которые вступили в нацистскую партию и стали ее деятелями. Рожденные в сельской местности или в провинциальных городках в семьях, отцы которых имели скромные доходы и положение, эти нацистские функционеры получили небольшое образование и после Первой мировой войны столкнулись с действительностью, которая давала мало надежд на успешную карьеру и личное удовлетворение.

Для Бормана и тысяч подобных ему, неопределившихся, недовольных молодых нацистов, годы Веймарской республики казались временем распада и катастроф. Перемирие, Версальский договор, красные флаги Советов рабочих и солдатских депутатов, Капповский путч, оккупация Рура, инфляция 1923 года и депрессия 1929–1932 годов с ее миллионами безработных сменяли друг друга в быстрой последовательности. Гитлер и нацистская партия предлагали простые решения трудностей Германии и придавали целеустремленность людям, подобным Борману. Фюрер хотел учредить новый тип власти, которая больше не должна основываться на руководстве аристократического сословия, элиты бизнеса или «ноябрьских преступников» Веймарской республики. И после того как Гитлер стал в 1933 году рейхсканцлером, его программа поначалу давала работу и надежду тем, кто привел его к власти. Никто тогда не мог предсказать, что кровавые мысли фюрера приведут к столь чудовищным преступлениям. Мартин Борман действительно осознавал, что дала ему преданность фюреру. Сын мелкого почтового служащего, бывший студент сельскохозяйственных курсов, преступник и управляющий именем стал теперь рейхслейтером и руководителем аппарата заместителя фюрера Рудольфа Гесса, который нес ответственность за решение всех вопросов партийного руководства от имени Гитлера.

Фюрер учредил четыре отдельных канцлерских ведомства. Одно из них ведало только его личными делами. Другое имело отношение к рутинным вопросам, таким как предоставление помилования, правом которого он был наделен как глава государства. Третье, рейхсканцелярия, занималось вопросами, относимыми к Гитлеру как рейхсканцлеру. Четвертое представляло собой аппарат заместителя фюрера по вопросам нацистской партии.

Со стороны выглядело так, будто рейхсканцелярия была наиболее важным учреждением, дающим надежду на продвижение для амбициозного молодого человека. Но Гитлер дал ясно понять, что это не совсем так, когда заявил на митинге нацистской партии 1934 года в Нюрнберге: «Не государство руководит нами, а мы руководим государством».

Борман видел эту разницу. Оставив ведущую роль на политической сцене другим, он постепенно и усердно стал добиваться контроля над действующим аппаратом заместителя фюрера. Вот где была сосредоточена реальная власть, поскольку по закону нацистская партия была единственной политической партией страны, а Гитлер хотел, чтобы партия руководила государством. Гесса постоянно видели рядом с Гитлером на парадах и партийных митингах. Но рядовые члены партии вскоре осознали, что именно безвестный Мартин Борман решал вопросы о кадровых перемещениях и наградах.

От внимания Бормана не ускользала ни одна деталь. Когда гаулейтер, который подчинялся Борману как рейх-слейтеру (национальному лидеру) (гаулейтеры были руководителями гау, основных административных округов, на которые был разделен нацистами Третий рейх. — *Ред.*), поднял вопрос о том, как следует произносить нацистское приветствие, «Хайль Гитлер» или просто «Хайль», Борман разрешил его. После официального рассмотрения вопроса он, с должными формальностями, сообщил гаулейтеру, что приемлема любая форма приветствия.

Борман взял также за правило выдвигать людей истинно преданных нацизму, которые были способны раскрыть в будущем свой потенциал. В отношении закоснелых нацистов, неспособных идти в ногу с переменами, он проявлял нетерпимость, граничащую с презрением. Прошлые заслуги не имели для него значение. Те, кто не мог понять, что Гитлер стал законным канцлером законного правительства, что старые дни уличных драк ушли в прошлое, карались беспощадно.

Весной 1934 года штурмовики и их начальник штаба Эрнст Рём стали в этом отношении особенно досажать и даже представлять угрозу для фюрера. В расчет теперь уже не принималось то, что Гитлер одно время опирался главным образом на штурмовые отряды для запугивания населения. Теперь не было никакой пользы от неуправляемых коричневорубашечников, такие лидеры которых, как Рём, скандально известные гомосексуалисты, вели беспутный богемный образ жизни. С прицелом на будущее Гитлер потребовал создания элитного корпуса, подчиненного только ему. Ядро этого корпуса он нашел в СС, чернорубашечниках (охранных отрядах). Они были организованы Генрихом Гиммлером. Гитлер нуждался также в поддержке офицерского корпуса рейхсвера на тот случай, если он когда-нибудь перевооружит Германию на профессиональном уровне.

Но аристократический офицерский корпус презирал и боялся Рёма с его штурмовыми отрядами численностью почти три миллиона человек. Ведь Рём хотел включить профессиональную армию в СА, Гитлер понимал, что, пока существовала такая возможность, офицеры рейхсвера не будут оказывать ему поддержки. Он понимал также, что, если Рём добьется своего, СА подчинит себе армию, а посредством ее и государство, что было чревато вытеснением из политической жизни нацистской партии и ее фюрера.

Борман понимал значение этой проблемы. В течение полутора лет он входил в Верховное командование СА. Он хорошо знал лидеров штурмовиков, пользовался их доверием. Но теперь они были бесполезны и не могли соответствовать «новому порядку».

Рано утром 30 июня 1934 года один из первых сторонников и ближайших друзей Гитлера Эрнст Рём с другими ничего не подозревающими лидерами штурмовиков были внезапно аре-

стованы. В последующие три дня они были расстреляны эсэсовцами. Такая участь постигла и других деятелей, которых Гитлер подозревал в заговорщических намерениях, таких как его предшественник на посту рейхсканцлера, генерал Курт фон Шлейхер.

Эта чистка уничтожила СА как соперника СС, позволила СС контролировать все органы полиции и обеспечила Гитлеру поддержку регулярной армии. Она также дала доказательство и предостережение в отношении того, что фюрер был готов идти до конца в борьбе за абсолютную власть. Во время небезызвестной «ночи длинных ножей» Борман сыграл роль, которая была и останется исключительно его ролью.

Борман не был одним из боевиков. Он оставался в тени, собирая жалобы и свидетельства скандальных выходов Рёма и окружающей его «банды гомосексуалистов». Эти сведения предоставлялись тестю Бормана Вальтеру Буху и Рудольфу Гессу, который, в свою очередь, передавал их фюреру. Борман без колебаний обеспечивал их информацией о своих бывших коллегах, которая давала предлог для действий. Его не беспокоило, что многие из этих уничтоженных людей были виновны лишь в том, что стали непригодными для осуществления дальнейших целей фюрера. Они не смогли идти в ногу с переменами, чтобы влиться в «новый порядок».

Но имелись и те, которые нашли свое место в новой Германии без особого труда. В 1936 году, через два года после «ночи длинных ножей», Генрих Гиммлер предоставил возможность Борману и большой группе партийных функционеров совершить инспекционную поездку в концентрационный лагерь Дахау близ Мюнхена. В Дахау Борман встретил старого друга Рудольфа Франца Хёсса. Некогда состоявший в организации Россбаха Хёсс стал сотрудником СС, который поддерживал непосредственные контакты с узниками.

Позднее Хёсс поделился воспоминаниями о времени проведения инспекции: «Концентрационный лагерь Дахау в данное время содержится в хорошем состоянии. Заключенные хорошо питаются, получают чистую и добротную одежду, живут в приличных помещениях. Большинство из них работают в мастерских, число больных настолько мало, что не заслуживает упоминания. Общее количество заключенных около 2500 человек. Они проживают в десяти кирпичных бараках. Хорошо налажено санитарное обеспечение. Недостатка в питьевой воде нет. Нижнее белье меняется раз в неделю, постельное белье – раз в месяц. Треть контингента состоит из политических заключенных, две трети – из уголовников, асоциальных элементов, осужденных на принудительные работы, гомосексуалистов и около двух сотен евреев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.